

Андре Асиман

АЛИБИ

*Перевела с английского
Александра Глебовская*

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 83.3(7Coe)
А90

ALIBIS
by André Aciman

Печатается с разрешения литературного агентства PRAVA | PREVODI

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Асиман, Андре.

А90 Мои алиби / Андре Асиман ; пер. с англ. А. Глебовской. — Москва : Porcorn Books, 2023. — 240 с.

ISBN 978-5-6048365-2-1

Андре Асиман, признанный одним из самых пронзительных писателей своего поколения, создал великолепную серию связанных между собой эссе о времени, местах, личностях и искусстве, которые показывают его в лучшем свете. От прекрасных и трогательных произведений о воспоминаниях, вызванных ароматом лаванды, через размышления о таких городах, как Барселона, Рим, Париж и Нью-Йорк, и до его удивительной способности раскрывать секреты жизни на углу обычной улицы, «Алиби» напоминает читателю, что Асиман — мастер личного эссе.

УДК 821.111
ББК 83.3(7Coe)

Copyright © 2011 by André Aciman

All rights reserved

Cover illustration by Matteo Catanese

© А. Глебовская, перевод на русский язык, 2022

© Издание, оформление. Porcorn Books, 2023

ISBN 978-5-6048365-2-1

*Майклу — Hermosura**

* Hermosura — красота, прелесть (исп.).

Алиби — этимология: от *лат.* *alibi*,
«где-либо в другом месте», устар. вариант предложного
падежа от *alius*, «другой».

Оглавление

Лаванда	11
Сокровенность	35
Мой миг с Моне	61
Повременить	79
Размышления неопределившегося еврея	97
Путешествие литературного пилигрима в прошлое	112
Сослагательный странник	119
Часы в Риме	125
Море и память	140
Площадь Вогезов	152
В Тоскане	169
Барселона	178
Нью-Йорк, лучезарный	188
Камера хранения	199
И здания тоже погибли	203
Рю Дельта	207
Послесловие	221

Алиби

Лаванда

I

Жизнь начинается где-либо в другом месте и пахнет лавандой. Отец мой стоит перед зеркалом. Он только что принял душ и побрился, сейчас наденет костюм. Я смотрю, как он затягивает узел галстука, опускает уголки воротника, застегивает рубашку. И — вот оно, как всегда: лаванда.

Я даже знаю откуда. На туалетном столике стоит флакон причудливой формы. Помню: у меня тяжелый приступ мигрени, я лежу на диване в гостиной, мама лихорадочно придумывает, как бы отвлечь меня от боли, берет флакон, свинчивает крышку, смачивает жидкостью платок, подносит мне к носу. Тут же становится легче. Платок остается у меня. Мне нравится держать его в кулаке, слегка запрокинув голову, будто была драка, меня ударили в лицо и кровь еще не унялась, — а еще так иногда выглядели другие люди, хворые или подавленные, они бродили по дому, время от времени нюхая скомканные носовые платки, — и это было похоже на последнее обреченное усилие удержаться от обморока. Платок мне нравился, нравился и таинственный запах, исходивший из его складок, нравилось тайком приносить его в школу и украдкой доставать

на уроке, потому что запах возвращал меня к родителям, в их гостиную, в мир, где царил такой неизбывный покой, что сам его аромат обволакивал меня хранительным облаком. Вдохнуть запах лаванды — и я обласкан, счастлив, любим. Вдохнуть запах лаванды — и в голову приходят добрые мысли о жизни, о близких, о самом себе. Вдохнуть запах лаванды — и какие бы расстояния нас ни разделяли, мы все оказываемся в одной теплой уютной комнате, где много пухлых подушек и огонь в очаге, а по крыше барабанил дождь, напоминая, что мы в укрытии. Вдохнуть запах лаванды — нам не грозит разлука.

Старый отцовский одеколон продается по всему миру. Достаточно войти в любой большой универсальный магазин — и вот он, пожалуйста. Полвека прошло, а вид флакона не изменился. Я мог бы — будь я достаточно предусмотрителен, чтобы не рисковать тем, что в один прекрасный день я найду в магазине, а там его нет, — приобрести флакон и где-то его хранить как символ отца, моей любви к лаванде или того осеннего вечера, когда, будучи уже подростком, я пошел с мамой покупать себе первый лосьон для бритья, не смог выбрать, один вернулся в магазин на следующий вечер, после уроков, — и, к великой своей радости, обнаружил, помимо прочего, что мужчинам дозволено наносить на себя разные ароматы под тем предлогом, что им нужно бриться.

Меня ошарашило многообразие ароматов на свете, а еще сильнее ошарашило то, что среди них нашелся и лосьон моего отца. Я попросил продавца дать мне попробовать этот запах, намеренно произнес название лосьона не так, наигранно удивился, разглядывая конусообразный пузырек, как будто передо мной чужак, которого я по ошибке поприветствовал, зная, что дома мы с этим флакончиком

в самых задушевных отношениях, зная, что ему ведомы не только все извивы самых тягостных моих мигреней — как вот мне ведомы все изгибы его тела, — но ведомы ему и мои воображаемые побеги из школы в материнский платок, а про фантазии мои ему ведомо больше, чем я дерзаю ведать и сам. Тем не менее там, в магазине, который вот-вот должен был закрыться на ночь, — моя неспособность сделать выбор вызывала у владельца нарастающее нетерпение — меня зачаровало нечто новое, нечто одновременно и опасное, и притягательное, как будто все эти бесчисленные пузырьки, аккуратно расставленные рядами по торговому залу, хранят в себе обещания ночей в больших городах, в которых все — здания, огни, лица, лакомства, места и мосты, которые мне предстоит пересекать, — делает мир желаннее прежнего, хотя бы потому, что и сам я благодаря тому или иному зелью сделался желанным — для других или для самого себя.

Я целый час нюхал разные флаконы. В результате купил лавандовый одеколон, но не тот, что был у отца. Заплатил, попросил завернуть по красивее — и почувствовал себя так, будто мне выдали свидетельство о рождении или новый паспорт. Теперь это и есть я — вернее, этим я мне предстоит быть, пока флакон не опустеет. А там и вернемся к этому разговору.

Со временем я открыл для себя множество разновидностей лаванды. Бывает лаванда легкая, эфемерная; бывает нежная и робкая; встречается пышная, назойливая; бывает терпкая, как будто ее срезали в поле и оставили настаиваться в котле с уксусом; попадаетса невыносимо сладкая. Порой лавандовые духи пахнут как целая грядка с пряными травами, порой в них сквозит столько специй, что основу уже и не различишь.

Я экспериментировал со всеми, закупил множество пузырьков, причем не только ради того, чтобы собрать полную коллекцию, и не в поисках идеальной лаванды — скрытой лаванды, ур-лаванды, что превыше всех лаванд, но потому, что мне страшно хотелось доказать или опровергнуть одну вещь, которую я заподозрил с самого начала: что лаванда, о которой я мечтаю, — это та самая, с которой я вырос и к которой обязательно вернусь, установив, что все остальные мне не подходят. Возможно, искал я именно беспримесную лаванду. Обыкновенную. Папину. Уходишь в большой мир, приобретаешь там самые разные привычки, выучиваешь множество языков — и пренебрегаешь лишь одним, тем, на котором говорили дома, как вот обычаи, которые тебе всего ближе, это те обычаи, про которые ты знать не знал, что это обычаи, пока не увидел, что у других людей они совсем иные, — и сразу понял, что собственные тебе очень даже по душе, хотя от них ты успел отстраниться до такой степени, что уж и не помнишь, в чем их суть. Я собрал все запахи мира. Но мой аромат — каков он, мой аромат? Был ли у меня когда-то собственный аромат? Будет у меня аромат единственный — или мне захочется присвоить их все?

Накупив несколько лосьонов для бритья, я скоро выяснил, что все они склонны терять свой блеск, как вот некоторые актиноиды проживают короткую радиоактивную жизнь, прежде чем претвориться в свинец. Некоторые пахли слишком сильно, или слишком слабо, или слишком сильно вот тем и недостаточно сильно вот этим. В некоторых не хватало проявления моей сути, другие намекали на то, что и вовсе не было мной. Наверное, выискивая недостатки каждого аромата, я одновременно выискивал недостатки и в самом себе — и таковой была не только не-

способность выбрать правильный аромат и даже не только помыслы о том, что мне аромат вообще нужен, а моя уверенность, что одеколон своею благодатью способен подтолкнуть меня к новой жизни, о которой я так мечтал.

Впрочем, даже критикуя каждый новый аромат, я постепенно к нему привязывался, как будто то неведомое, что было связано не столько с самими ароматами, сколько с той частью моей души, которая искала их неустанно, соблазнялась ими и в итоге благодаря им расцветала, нельзя было утратить ни за что. Случается, что история недолговечных привязанностей для нас важнее самих привязанностей, как вот история романтических отношений окрашена романтикой сильнее, чем сами отношения. Порою к сакральному мы обращаемся через слепой ритуал, не через веру, — так привычка, а не характер делает нас теми, кто мы есть. Порою в одежде и аромате, которые мы носим, сущности нашей больше, чем в нас самих.

Поиск идеальной лаванды был подобен поиску той части моей души, которая только в аромате и нуждалась для того, чтобы выйти из вселенской спячки. Я искал ее так же, как искал свою цветовую гамму, марку сигарет, любимого композитора. Отыскав правильную лаванду, я в конце концов смогу сказать себе: «Да, это я. И где же я был все это время?» И все же стоит купить этот аромат, и это самое «я», которое должно вот-вот проклюнуться, — как то самое «мы», которое проклевывается, когда мы покупаем новую одежду, или оформляем подписку на журнал, нам идеальным образом подходящий, или оформляем абонемент в спортивный клуб, или переезжаем в новый город, или открываем новую религию и совершаем новые обряды с новыми единоверцами, среди которых заводятся новые друзья, — это самое «я», понятное дело, оказывается тем

самым, которое нам всегда хотелось замаскировать или отогнать. Действительно, чего я ждал? Аромат другой, человек тот же самый.

За последние тридцать пять лет я перепробовал едва ли не все одеколоны и лосьоны для бритья, до которых додумались производители парфюмерии. Не только с лавандой, но и с сосной, ромашкой, чаем, цитрусом, жимолостью, папоротником, розмарином, с дымными вариациями самых тонких пряностей и кож. Нет для меня занятия любезнее, чем уставлять аптечный шкафчик и бортик ванны флакончиками в два-три ряда, и каждый из этих флаалов — крошечное непроклянувшееся воплощение того, кем я был, или хотел быть, или стремился стать в будущем. Аромат А: приобретен в таком-то году в надежде на встречу со счастьем. Аромат Б: приобретен, когда аромат А почти закончился; помог мне отказаться от А. В, знаменующий собою внезапную усталость от Б. Г получен в подарок. Никогда он мне не нравился; носил, чтобы порадовать дарительницу, прекратил, как только она исчезла из моей жизни. Потом появился Д, который так мне понравился, что в итоге я приобрел Е с девятью его братьями производства того же парфюмерного дома. Из-за Е утомился от Д вместе со всеми его изотопами. Обрел Ж. Возненавидел его, как только понял, что он нравится глубоко несимпатичному мне человеку. Появился З. Как я обожал З! С З мы провели вместе много лет. Его больше не выпускают — нужно было вовремя запастись впрок. С другой стороны, при всей моей к нему любви я от него отказался задолго до того, как его прекратили производить. Вернулся к Д, который мне всегда нравился. Да, то, что надо. Но тут я понял, что с самого начала что-то было немного не так, в Д чего-то не хватало. Опять перестал им пользоваться. О женщине, которая

на миг заглянула в мою жизнь и за десять дней нашего знакомства изменила меня навеки, я помню одно — подарок. Я продолжаю носить подаренный ею аромат в знак надежды на то, что она уже скоро вернется. Тому двадцать лет, и от нее остался только флакончик, который напоминает не столько о ней, сколько о том, каким я некогда был любовником.

За свою жизнь я многое выбросил в мусор. Но ни одной бутылочки из-под лосьона для бритья. При каждом переезде я везу их с собой — как вот древние брали с собою в странствие маски предков. В каждой бутылочке заключена часть моей души, я в формальдегиде, мой дух. Можно, как в арабской сказке, потерять сосуд и вызвать оттуда меня прежнего. Иной вызванный, несмотря на протекшее время, оказывается живым, хотя среди моего имущества давно уже нет тех вещей, в которые эти запахи облачены и которыми обладают; другие вызванные попросту скончались или стали настолько скучны, что мне не хочется иметь с ними ничего общего; я забыл их телефонные номера, любимые песни, мимолетные причуды. Я беру в руки старый аромат и внезапно вспоминаю, почему он воскрешает в памяти самые искрометные дни моей жизни — искрометные не потому, что они были счастливыми, а потому, что я столько времени провел, взыскуя счастья, что задним числом кажется, будто часть этого воображаемого счастья перетекла в реальность и пропитала своим запахом целую зиму, обтянув пленкой счастья дни, про которые я всегда твердо знал: мне вовек не захочется пережить их снова. И вот я держу флакон, который кажется мне драгоценнее очень и очень многих вещей, и начинаю думать, что рано или поздно некто горячо мною любимый — именно любимый и горячо — случайно заглянет